

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

VIII

*Система альфы Центавра, Акия
30 октября 2205 (Относительное Время)*

Надпись на фронтоне, воздвигнутом при входе в гигантский военный лагерь, гласила: «Новый Иерусалим».

Когда пришло время наречь крепость, некоторые голоса возвысились, возражая, что давать имя Святого Града военному лагерю — пусть даже такому исключительному, как этот, — было бы непозволительной дерзостью. Тем не менее вызванный этим названием всеобщий энтузиазм перевесил призывы к сдержанности, и Петр Пустынный устроил торжественную церемонию, которая была передана по тахион-связи на Землю и показана по всем каналам.

— Вот ваше расписание, лейтенант, — сказал капитан-связист Танкреду, скидывая файлы на его мессенджер. — Будет чем заняться несколько дней.

— Есть, мой капитан, — машинально ответил Танкред, забирая протянутый ему офицером маленький черный прямоугольник.

Матовая поверхность мессенджера переливалась мягким, медленно пульсирующим оранжевым свечением, которое анализировало, что данные загружены. Танкред дважды надавил большим пальцем, чтобы остановить пульсацию, и приложил мессенджер к браслету на своем правом запястье. Прямоугольник закрепился сам собой, слегка изменив форму и приспособившись к изгибу руки, затем, как любые часы, высветил время. В отличие от большинства людей, державших свой мессенджер в кармане, Танкред привык носить его так.

Он коротко отсалютовал уже забывшему о нем капитану, вышел из кабинета, чтобы освободить место для следующего младшего офицера, по пути к выходу из здания пересек внушительный холл главного командного центра и оказался на просторной эспланаде с покрытием из термобетона. Прямо напротив возвышался пункт связи, чьи антенны, некоторые высотой в сотни метров, блестели в лучах утреннего солнца.

Вместо того чтобы дожидаться челнока, Танкред решил пройтись до казармы пешком. Небольшая прогулка ему только на пользу. Он двинулся по спускающейся к центральному плато грунтовой дороге. Командный пункт был возведен на скалистом возвышении, расположенном в самом центре лагеря крестonosцев. Таким образом, сейчас Танкред мог обозревать как Новый Иерусалим, так и его окрестности. Впечатляющая панорама, пусть даже не единожды виденная.

Огромный лагерь крестonosцев раскинулся на почти круглом плато, стодвадцатиметровые отвесные склоны которого возвышались над равниной; его диаметр местами достигал двух с половиной километров. Сама равнина вокруг была однообразно плоской, за миллионы лет выскобленной яростными ветрами, и первые признаки рельефа намечались только в сорока километрах к западу, где возникали отроги небольшой горной цепи.

Восемнадцать модулей, отделившихся от «Святого Михаила», опустились на поверхность через равные промежутки, заняв почти все плато. Поскольку изначально они являлись различными частями судна, то издали их несхожие размеры и формы невольно воспринимались как кладбище кораблей. Однако это впечатление мало-помалу исчезало: между ними начинал выстраиваться город.

И действительно, за три недели выросли тысячи конструкций, которые по сравнению с прибывшими на «Святом Михаиле» металлическими мастодонтами выглядели игрушечными. Большая их часть была бараками или же сборными пакгаузами, возведенными буквально за несколько часов.

Отныне отряды день за днем обживали новое место, прокладывая километры дорог, сокрушая холмы, закрепляя неустойчивые части, пролагая подземные водные коммуника-

ции или устанавливая альвеолярные батареи, чтобы таким образом подготовить фундаменты будущих постоянных сооружений.

Вокруг Нового Иерусалима в срочном порядке был возведен защитный барьер, предохраняющий от вторжения. Расставленные на расстоянии сотни метров друг от друга мачты создавали поле мощного излучения, смертельного для любого живого существа, которое попыталось бы пройти между ними. Во всяком случае, для любого известного существа. Разумеется, это распространялось и на человека. Затем через каждые пятьсот метров установили базовые крепостные башни, снабженные тяжелыми пушками и пулеметами Т-фарад, что позволяло перекрывать весь ближайший периметр лагеря.

С западной стороны на бежевой поверхности плато выделялись длинные аэродромные полосы из термобетона, над которыми постоянно кружили самолеты-перехватчики, приступившие к барражирующим полетам, едва успев разместиться. На севере и на юге появились ворота, своими размерами соответствующие масштабам этой бьющей все рекорды армии; они выходили на две проложенные с помощью взрывчатки в толще откосов дороги, которые обеспечивали войскам возможность спускаться на равнину. Внизу у дорог были установлены сверхукрепленные и снабженные мощным оружием пропускные пункты.

Танкред не прошел и полдороги, когда мимо промчался челнок, которого у него не хватило терпения дожидаться. Его заволкло облаком пыли, которую неизбежно поднимала любая проезжающая здесь машина, и он не смог сдержать приступ кашля. Кстати, с первых же дней пришлось установить ограничения скорости, иначе в городе в скором времени невозможно было бы дышать.

По-видимому, этот чертов водитель не получил соответствующих инструкций, раздраженно подумал Танкред.

Скалистый холм, с которого он спускался, представлял собой как бы плато на плоскогорье. Он был высотой метров сорок, а его вершину перекроили, чтобы установить на ней модуль, в котором предполагалось разместить главный командный центр армии крестonosцев. Кроме того, пользуясь

тем, что он возвышался над остальным пейзажем, там же устроили основной центр связи, а позже, когда строительство лагеря завершится, возведут и собор. А пока войска довольствовались сборными церквями.

Танкреду потребовалось не больше получаса, чтобы добраться до казармы смешанного 78-го подразделения, расположенной на востоке Нового Иерусалима, где размещались пехотные части. В семь утра температура была еще сносной, и прогулка была скорее приятной. После полутора лет, проведенных взаперти в летящей посреди космического пространства коробке, Танкред никогда не упускал случая оказаться на воле, где над головой не было ничего, кроме розоватого неба Акии Центавра.

Несмотря на ранний час, жизнь в лагере уже бурлила. Вереницы тяжелых транспортников перевозили сборные конструкции или разгружали тонны оборудования с помощью механических манипуляторов; солдаты, превратившиеся по такому случаю в каменщиков или разнорабочих, почти повсюду вколачивали в скалистое основание крепления и подпорки, предназначенные стать основой будущих построек, копали траншеи под кабели, заливали в ячейки бетон или же распаковывали невероятное количество инвентаря, готовя его к эксплуатации. На каждом углу, в каждом здании информационные панели передавали программы Интрасвязи, которые с момента высадки целиком посвящались освещению хода работ по возведению Нового Иерусалима.

Подразделению Танкреда, как и прочим, было поручено смонтировать собственные казармы. Спущенные сверху указания и планы предусматривали все до последних мелочей, так что им не было нужды обращаться к многочисленным инженерам, спящим по городу, чтобы помочь тем, кто запутался в объемистой технической документации. На протяжении всех первых дней после спуска на планету на плато царила необычайная суматоха, в которую вносил свою лепту беспрестанный грохот истребителей Н-6, пролетающих на низкой высоте, чтобы подавить возможное намерение врага предпринять неожиданную атаку.

Впрочем, Танкред про себя отметил, что атамиды совершили ошибку, не начав наступательные действия именно

в тот момент; теперь же, когда гигантский военный лагерь был почти закончен, он стал неприступным.

Подойдя к строению, где в полном составе разместилось его подразделение вместе с еще одним, итого сто сорок солдат, он увидел, что все его люди выстроились вдоль столов, сооруженных из положенных на козлы досок, в тени натянутых между столбами больших тентов. А перед ними лежат разобранные винтовки Т-фарад. Танкред улыбнулся, поняв, что прапорщик Юбер, которому не нравилось, чтобы люди болтались без дела, заставил солдат разобрать, почистить и снова собрать оружие, пока их офицер не вернулся со своими приказами.

Скоро месяц, как армия крестоносцев находилась здесь, а ни одного сражения еще не было. Ни одного контакта с врагом. Ни одного хотя бы издали замеченного атамиды. Кроется ли в этом какая-то хитрость или же признание слабости? Никто не знал, но у каждого имелись свои соображения.

На равнину спускались только разведывательные отряды, они прочесывали нагромождения скал и обследовали глубокие провалы, но ни разу не обнаружили ни следа атамидов. Истребители-перехватчики многократно облетали ближайшие горные цепи, но безрезультатно. Однако спутниковые наблюдения фиксировали повышенную активность в больших городах на севере и северо-востоке, за многие сотни километров от лагеря. Кое-кто полагал, что это признак исхода гражданского населения, испуганного прибытием крестоносцев, хотя никаких определенных доказательств не было.

По общему мнению, атамиды могли бежать и прятаться, где им заблагорассудится, однако рано или поздно столкновения с людьми им не избежать.

А пока штаб принял решение использовать отсрочку наступательных действий для того, чтобы обустроить и укрепить Новый Иерусалим. Поэтому войска в полном составе были привлечены к созданию инфраструктуры. С такими трудовыми ресурсами город вырастал из земли с рекордной скоростью. Однако эти люди были солдатами, а не рабочими, и сдерживать их желание помериться силами с врагом становилось все труднее.

— Лейтенант вернулся! — крикнул Юбер, едва заведя Танкреда. — Смирно!

Личный состав, до крайности довольный тем, что закончилась тягомотина с разборкой винтовок, повиновался в мгновение ока.

— Вольно, — бросил Танкред, едва удержавшись, чтобы не улыбнуться при виде выражения облегчения на лицах. — Вот приказы на ближайшие дни!

Трижды прикоснувшись к черной поверхности мессенджера, он включил трехмерный проектор, и над его запястьем возникло световое табло. Он прочитал:

— Во второй половине дня отправляемся в мастерскую номер четыре, чтобы помочь распаковать доставленный вчера со «Святого Михаила» груз; завтра мы нужны в северном госпитале на строительстве крыла В; два следующих дня наша помощь потребуется отряду девяносто четвертой базовой сторожевой башни, у южных ворот. Похоже, у них проблемы с неустойчивостью почвы, так что необходимо провести новые земляные работы.

Новость была встречена недовольным гулом. Два дня земляных работ под палящим солнцем и на краю обрывистого плоскогорья — это вам не увеселительная прогулка.

— Успокойтесь, — продолжил Танкред, — на этот раз нам будет разрешено использовать «Вейнер-Никовы».

Работать в боевом экзоскелете означало испытывать гораздо меньшую усталость, а главное — пребывать в микроклимате. В принципе их использование для простых работ было запрещено, однако когда планируются действительно изнурительные задания, руководство иногда давало временное разрешение.

— Мой лейтенант, — вмешался Льето, — вы не сказали, что мы должны делать сегодня утром.

Льето невозможно было сбить с толка.

— У меня в расписании ничего нет, — с невинным видом ответил Танкред. — Значит, сегодня утром вам вообще ничего делать.

Полное ощущение, что он объявил им о немедленном заключении под арест. Лица вытянулись, а беспокойные взгляды обратились на прапорщика. Тот, с хищной улыбкой и на-

хмуренными бровями, сцепил руки за спиной и встал в вызывающую позу.

— Выходит, ребята, сегодня утром вам только и остается, что в потолок плевать, — сказал он, почти не разжимая зубов.

В это мгновение Танкред готов был поклясться, что его парни предпочли бы столкнуться нос к носу с ордой бешеных атамидов, чем оставаться со своим прапорщиком.

— Раз уж вам предстоит два дня кайфовать в холодке в своих экзоскелетах, — продолжал тот непререкаемым тоном, — то отправимся-ка мы за ними на склад и убедимся, что они в идеальном состоянии до самой последней семтаковой пластины! Гарантирую, вы и не заметите, как утро пролетит!

Раздалась возмущенные возражения, но Юбер со сноровкой опытного прапорщика, каковым и являлся, быстро заставил всех замолчать. Танкред уже собрался попросить его немного ослабить вожжи, но тут же опомнился. Давление, которое прапорщик оказывал на людей, было лучшим способом отвлечь их мысли от бесконечного ожидания сражений.

Его попустительство не ускользнуло от Льето, и он подошел к Танкреду:

— Тебя это забавляет, да? Думаешь, очень прикольно оставлять нас в лапах этого буйнопомешанного?

— Да ладно тебе, друг, — засмеялся Танкред, — не злись. Я тоже помучаюсь вместе с вами. В конце концов, небольшая проверка совсем не повредит моему «Вейнеру»!

— Ну да, — пробурчал фламандец. — Вы оба просто извращенцы, и точка.

Внезапно из всех громкоговорителей Нового Иерусалима раздался властный голос, хорошо известный каждому: голос Петра Пустынника. Все без исключения бросили свои дела и замерли, готовые внимать духовному вождю крестового похода.

— *Milites Christi! Прошу вашего внимания. Хочу официально поблагодарить вас за прекрасную работу, которую вы проделали с момента нашего прибытия на эту враждебную планету.*

Прежде чем продолжить, он сделал паузу, во время которой во всем лагере крестоносцев не раздалось ни звука. Подобная тишина воцарилась здесь впервые за три недели.

— *Вопреки тяжелым климатическим условиям вы не пожалели сил, чтобы воздвигнуть этот замечательный город, который на сегодняшний день практически завершен. А посему его святейшество папа Урбан Девятый пожелал поблагодарить и ободрить вас, дав сегодня свое благословение Новому Иерусалиму. Нынче утром я проведу особое богослужение на плато главного командного центра, где нам будет явлено голографическое изображение святого отца, чтобы все могли услышать его речь. Из чего следует, что все приказы касательно любой деятельности сегодня утром отменяются, а войскам предлагается собраться к десяти часам у подножия верхнего плато, за исключением тех, чье присутствие необходимо в ином месте. Да пребудет с вами Господь.*

По завершении речи солдаты 78-го буквально подпрыгнули от радости. Даже самому прапорщику Юберу не дозволено игнорировать наставление Петра Пустынника. А значит, никакой сборки-разборки экзоскелетов сегодня утром.

— Ха-ха! Ну что, съел, да? — воскликнул Лъето, ткнув Танкреда локтем.

— Ладно, на сей раз я проиграл, — подмигнув ему, признал младший лейтенант. — Но за мной не пропадет. Не каждое же утро вам получать папское благословение!

Танкред размышлял, почему эта, ранее назначенная на следующую неделю церемония была так внезапно перенесена. Может, в верхах решили таким образом укрепить моральный дух войск? Кстати, судя по всеобщему возбуждению, эффект был достигнут.

Прапорщик пронзительно свистнул, призывая 78-е к спокойствию.

— Отлично, парни, вы избежали проверки «Вейнеров»! Но прежде чем пойти повыпендриваться перед штабом, вам все-таки придется собрать свои винтовки и сдать их в арсенал. Выполняй!

Через сорок пять минут все подразделение нестройными рядами двинулось к скалистому пику командного центра. Хотя у этого места не было официального наименования, между собой люди называли его «контрольной башней» или просто «Башней» из-за его формы, а главное, потому, что именно

оттуда, когда придет время, штаб армии крестоносцев будет руководить сражениями.

Поскольку их казармы располагались не так уж далеко, Танкред предпочел отправить людей пешком, а не ждать челнока. Ведь куча народа пожелает почти одновременно им воспользоваться.

Шагая в конце колонны и замыкая движение, он разглядывал Льето и Энгельберта, которые шли рядышком где-то в середине. После пребывания Льето в госпитале между братьями словно кошка пробежала, и Танкред знал, что причиной отчасти послужил он сам. Тем не менее он сделал все от него зависящее, чтобы убедить Льето забыть накопившееся недовольство и наладить нормальные отношения с Энгельбертом. И если молодой фламандец по-прежнему таил обиду на брата, Танкред ничего больше не мог с этим поделать. Льето все еще отказывался рассказать, что именно наговорил ему Энгельберт на выходе из «Сентраль-Шарите» и что привело его в такую ярость. По крайней мере, на этот раз Льето сделал над собой усилие и пристроился рядом с братом.

Когда впереди замаячила контрольная башня, вокруг уже собралась внушительная толпа. Десятки тысяч мужчин и женщин сгрудились у подножия пика, расположенного сорока метрами выше, а со всех сторон прибывали все новые и новые. Офицеры, сидевшие в висящих гондолах, как в тренировочных куполах, надрывали горло, пытаясь привнести в этот человеческий прилив подобие организованности.

Места у подножия пика было вполне достаточно, чтобы вместить всю армию крестоносцев. Тем не менее Танкред подумал, что со стороны Урбана IX было бы более мудро не тянуть и дальше со своей молитвой. Жара уже стояла невыносимая, но это лишь цветочки по сравнению с тем, что будет в полдень. В это время никто не сможет оставаться на солнце больше двадцати минут, не потеряв сознания.

Льето подошел к Танкреду и указал пальцем на солдат:

— Посмотри-ка туда, разве это не охрана базовых башен?

И действительно, Танкред увидел людей в легких боевых доспехах с фиолетово-оранжевыми погонями.

— Ты прав, черт побери, — кивнул Танкред с неодобрительной гримасой. — Речь папы — слишком большой соблазн,

и наверняка здесь куча солдат, которые покинули свои посты, хотя и не имели права. Пойду-ка скажу им пару ласковых.

Льето удержал его, положив руку на плечо:

— Если хочешь меня послушать, не лезь в это дело. Они тебе не подчиняются, начнется скандал. К тому же за три недели никто не видел и тени атамида, вряд ли уж так не повезет, что они кинутся в атаку как раз, когда...

Конца фразы Танкред не расслышал; над толпой раздался оглушительный крик. Подняв глаза, он увидел, что на вершине появился Петр Пустынник.

Его вид, пусть даже издали, всколыхнул в Танкреде болезненные воспоминания. После трагического заседания Совета крестоносцев, где на него наложили столь суровую кару, он ни разу не оказывался в присутствии *Praetor peregrini*. Хотя, как ни странно, после посадки тот вообще почти не появлялся на публике, Танкред отметил, что духовный вождь по-прежнему оказывает гипнотизирующее воздействие на толпу, одним своим появлением вызывая мощный взрыв энтузиазма. Властным жестом Петр заставил приветственные возгласы стихнуть.

Когда воцарилась тишина, он обвел войска долгим пристальным взглядом, раскинул руки и торжественно провозгласил:

— *Milites Christi!* Отец Новой христианской империи, воскресивший *Dominium Mundi*, и суверен Римской католической апостольской церкви, его святейшество папа Урбан Девятый!

Над толпой блеснула вспышка, и появилось изображение старика в простой белой шапочке, сидящего в кресле и скромно облаченного в *cappa magna*¹, алые складки которого спускались ему до пят.

Перед эспланадой парила созданная мощным голографическим проектором штаб-квартиры и передаваемая из пункта связи, расположенного над Петром, огромная проекция. Извлечь пресловутый проектор ISM-3n из зала главного коман-

¹ Каппа Магна, или Плувиал (*um. pluviale, cappa, mantus* от *lat. pluvia* — дождь), — элемент литургического облачения католического священнослужителя: полукруглый плащ без рукавов, закрывается спереди пряжкой.

дования было невозможно, поэтому искаженная передачей на пункт связи картинка казалась тусклой, плоской и даже как будто прозрачной. Танкред подумал, что если атамиды шпионят издалека, то сейчас они, должно быть, недоумевают, что за тридцатиметровый призрак появился над их завоевателями.

Своим легендарным певучим голосом папа начал речь, благословляя Новый Иерусалим.

* * *

— Сейчас самое время! — крикнул Паскаль, ворвавшись в мастерскую и едва переводя дух.

Я так сильно вздрогнул, что выпустил из рук блок сервера, над которым трудился, и тот разбился об пол.

— Северный подъемник остался практически без наблюдения, они все сбежали слушать папу!

— Твою ж мать! — выговорил я неожиданно писклявым голосом, так сильно забилося вдруг сердце.

Вот и настал тот долгожданный и пугающий момент, когда нам придется попытаться счастья перед лицом судьбы. Стоит мне дать сигнал к началу операции, и отступить будет некуда, придется идти до конца любой ценой.

К тому моменту, когда почти месяц назад мы высадились вместе с остальными войсками, Сеть уже три недели тщательно готовила эту операцию. На самом деле спусковым крючком послужил разрыв с Танкредом.

Случившаяся с ним внезапная перемена вогнала меня в жуткую ярость. Я не мог понять, что должно было произойти в его голове, чтобы простое разжалование и лишение каких-то знаков отличия вызвало такой переворот. Когда он начал пудрить мне мозги своей историей с добрым христианином, которого коснулась благодать, мне показалось, что я говорю с другим человеком. Этот придурок, который нес чушь о бесценности вновь обретенной веры, не мог быть тем Танкредом, которого я знал! Совершенно ужасно было видеть, как рассыпаются в прах выстроенные с таким терпением и упорством и столь благотворные отношения. Неужели та атмосфера доверия и взаимного уважения, которую нам уда-

лось создать, так мало значила для него? Достаточно было строго одернуть его и наложить пару наказаний, чтобы все прекраснодушные разговоры, которые мы вели о важности истины и справедливости, отправились на дальнюю полку? Мое разочарование было огромным и болезненным. Неужели он оказался так наивен?

Помимо всего прочего, должен признать, что задета оказалась и моя гордость. За долгие месяцы Танкред сумел стать чем-то намного большим, нежели простой контакт Сети, — он стал другом. И возможно, даже более близким, чем все остальные. Подумать только, а я-то считал, что это взаимно...

Короче. Этот потрясший меня эпизод, по крайней мере, открыл мне глаза. До того момента отношения с Танкредом позволяли мне лелеять приятную мысль, что даже в высших классах встречаются приличные люди. И что даже там мы можем найти союзников, и, не исключено, со временем надежные связи в верхах позволят нам убедить штаб вернуть на Землю тех бесшипников, которые этого пожелают. Пустое! Я тешил себя иллюзиями, и пощечина, полученная от Танкреда, разнесла их вдребезги.

Отныне мне предстояло смириться с реальностью во всей ее неприглядности: я не вернусь на Землю. Гийеметта и папа сгинут в нищете.

Тем не менее оставался один шанс. Ничтожно малый, конечно, но все же лучше, чем ничего. И для этого надо было не торговаться или умолять — следовало *заставить* штаб. А значит, Сеть должна перейти к *конкретным* действиям. Не прошло и часа после нашей встречи с Танкредом, как я созвал внеочередное собрание «Метатрона Отступника». В тот же вечер мы в общих чертах наметили план операции.

Рассказав, что произошло между мной и экс-лейтенантом и какая мысль посетила меня после этого, я потребовал официального голосования относительно предложенного мной поворота в деятельности Сети. Я даже настаивал на единогласии и получил его. Полагаю, та холодная ярость, что сжигала меня, как и вновь приобретенная решимость, должны были произвести впечатление на остальных. Я, всегда бывший в группе резонером и прагматиком, вечным сторон-

ником полумер, а не радикальных решений, предложил им ни больше ни меньше, чем мятеж, восстание.

На протяжении следующих недель члены Сети не жалели усилий. Следовало тщательно отобрать тех, кто примет участие в операции, подготовить карты и маршруты, запрограммировать несколько хакерских взломов, причем некоторые из них, едва дело пойдет всерьез, должны будут сработать автоматически, наметить транспорт и оборудование, которое нам предстоит украсть, попытаться раздобыть оружие, а главное — составить настоящий план действий, серьезный и реалистичный.

Эта фаза закончилась менее чем за сорок восемь часов до схода с орбиты отделяемых модулей. Дальше нам пришлось, как и всем остальным, запастись терпением в ожидании дня Д. Долгие часы, когда каждый из нас чуть ли не до наваждения перебирал в уме все детали операции.

После высадки нам, разумеется, пришлось вместе с другими выкладываться по полной, чтобы возвести на пустом месте этот город. Поэтому в первую неделю сама операция была отложена на неопределенное время, за исключением разведывательных действий, призванных подтвердить, что лагерь строится строго по проектам, разработанным инженерами. Мы тщательно отобрали пакгаузы и мастерские, расположенные наиболее удобно для того, чтобы операция могла развиваться незаметно; не хватало только, чтобы в результате они оказались выстроеными в другом месте.

Затем мы получили окончательные назначения, и каждый обосновался в своей новой казарме и в новом рабочем окружении, как если бы собирался здесь оставаться. Нас, как говорят военные, *дислоцировали* в различные мастерские по монтажу информационного оборудования, где нам было поручено собрать и установить все, что касалось компьютеров лагеря, будь то обычные устройства или биоСтрукт. Ради осуществления этой сверхчеловеческой задачи были мобилизованы все более-менее разбирающиеся в информатике инженеры. Таким образом, оставшийся на борту «Святого Михаила» Нод-2 оказался без большинства пультавиков, хотя особых рисков ожидать не приходилось, поскольку корабль теперь

опустел и обезлюдел. Как только информационная сеть Нового Иерусалима будет работоспособна, пультавики вновь заступят на дежурство, чтобы контролировать огромный био-Структ корабля, но уже с поверхности планеты.

Наше начальство не дураки! И речи не шло о том, чтобы снова поднимать на борт тех, кого не собираются отправлять потом обратно на Землю.

Как только каждый участник операции занял свое место, мы приступили к завершающей фазе подготовки, состоящей в том, чтобы припрятать значительное количество припасов и оборудования, которые мы крали со складов благодаря незаметному проникновению в управляющие программы. Все шло как по писаному, и я в конце концов преисполнился некоторой гордости за наш план, который так отлично срабатывал, и даже определенной долей самодовольства. Но Паскаль развеял его в одно мгновение, когда ворвался в мастерскую, где я работал, и объявил, что только что образовалась та брешь в системе безопасности, которую мы поджидали.

В сущности, *мы* это и вызвали. Мы вторглись в программу тестирования общественного мнения, которому регулярно подвергали солдат, и изменили его результаты, чтобы в верхах решили, будто моральный дух войск падает опасно низко. Потом, когда в результате тонких манипуляций с самой программой она выдала рекомендацию сдвинуть благословение папы с целью повернуть негативную тенденцию вспять, наши собственные прогнозы довольно надежно предсказали, что вследствие небольшой дезорганизации из-за перемены дат меры безопасности на подходах к лагерю значительно ослабнут.

Только этого последнего параметра мы и ждали. И вот мы его получили.

С пересохшим ртом и бешено колотящимся сердцем я смотрел на стоящего в дверном проеме Паскаля, силуэт которого резко вырисовывался на фоне бьющего в спину ослепительного света. Я шурился и пытался перехватить его взгляд. Он тоже смотрел на меня, безуспешно стараясь перевести дыхание. Мы оба несколько секунд помолчали, прежде чем я набрался мужества и наконец крикнул неуверенным голосом:

— Начинаем, предупреди остальных!

Несколькими ловкими движениями, пару раз пустив в ход руки, Танкред вскарабкался на нагромождение камней у края плато, с высоты которого он уже привык наблюдать восходы и закаты альфы Центавра. Очень скоро это место стало его новым персональным укрытием, как старая ива на борту «Святого Михаила». Только на этот раз он делил его с Клориндой. Кстати, она вот-вот должна к нему присоединиться.

Солнце уже почти касалось горизонта, и небо быстро темнело, окрашиваясь в странные пурпурно-изумрудные тона. Несколько тонких облачных струек на огромной высоте ловили последние огни закатывающегося светила. Скоро уже месяц, как люди высадились здесь, а еще не выпало ни одного дождя. Однако по проведенным первой экспедицией наблюдениям было известно, что, когда приходят дожди, сухую почву заливают настоящие потопа, сбегая ручьями в бесчисленные провалы, где питают влагой единственные растительные зоны этой планеты.

Танкред устроился во впадине скалы и погрузился в созерцание панорамы. Температура уже спадала, но плотная полевая форма надежно защищала его от прохлады подступающего вечера. Единственным доносящимся до него звуком было едва различимое гудение установленного чуть ниже вдоль дорожки защитного барьера.

Как и у всех, первым, что отложилось в сознании Танкреда после высадки на Акию, стала гравитация: чуть более слабая, чем на Земле, но немного сильнее, чем на борту «Святого Михаила»; вторым стал свет, слишком резкий с самого восхода и практически невыносимый в середине дня — впрочем, всем было строго рекомендовано носить специальные поляризационные солнечные очки — и имевший розоватый оттенок, который переходил в фиолетовый с наступлением вечера. Танкред машинально поднял голову к звезде желто-оранжевого спектрального класса, каковой была альфа Центавра А, в надежде разглядеть одну из ее спутниц, но, разумеется, не смог ничего увидеть.

А вот воздух оставлял странное ощущение в носу — как будто смесь неопределимых запахов, отдаленно напоминаю-

щих дым костра или какие-то грибы. Поначалу это удивляло, но привычка очень быстро взяла свое. Эта смесь с малым содержанием азота вполне подходила для дыхания. Однако в момент, когда впервые распахнулись люки модулей, открыв доступ атмосфере новой планеты, Танкред, как и все, задержал дыхание.

Он подошел к краю плато, чтобы открыть для себя те новые территории, которые они прибыли покорить. Пейзаж заворожил его: засушливый, безводный, с каменистыми равнинами, изрытыми глубокими каньонами, гигантскими скалами, которые неустойчиво утвердились на основаниях из спекшейся от солнца земли за миллионы лет ветровой эрозии, и скудными водяными потоками, спадающими с высоких плато в узкие лощины.

А главное — разломы. Повсюду!

От самых мелких, всего в несколько метров, до огромных, тянувшихся на тысячи километров, все куда больше в длину, чем в ширину, и очень глубоких. Их было столько, что иногда возникало ощущение, будто по растрескавшейся от солнца земле разбегаются колонии муравьев. Увиденные из околопланетного пространства разломы делали Акию похожей на гигантский ком спекшейся грязи. Большинство из них были безводными, но в некоторых, наоборот, бурлила жизнь. Дело в том, что днем в них очень ненадолго проникало солнце, туда же стекала вода редких дождей, так что в глубине этих провалов, называемых «лесистыми», иногда таились густые джунгли.

Еще дальше высились горы, вершины которых терялись в туманной атмосфере. Их кажущаяся близость была обманчива: Танкред знал, что на самом деле до них очень далеко и они очень высоки. Некоторые, как он помнил из курса «центаврийской» географии, уходили вверх на двадцать километров.

Его внимание привлек шум внизу. По дозорной дороге шагали два охранника в боевых экзоскелетах. Один из них в знак приветствия махнул ему рукой, Танкред машинально ответил. Поскольку уже темнело, они включили функцию ночного видения. В их полукруглых забралах на уровне обзора угадывались два люминесцентных круга, светящихся в но-

чи, словно кошачьи глаза. Правда, Танкреду казалось, что это делает людей похожими скорее на волков.

Внезапно он ощутил чье-то присутствие. Быстро обернувшись, он обнаружил прямо над собой Клоринду. Его пульс участился.

— Добрый вечер, — с легкой улыбкой произнесла она своим звонким голосом. — Похоже, мне удалось застать тебя врасплох...

Он, тоже улыбаясь, кивнул.

— Вынужден признать, что не слышал, как ты приблизилась, — ответил он. — Думаю, тебе еще недолго проходить подготовку постмета.

Она легко спрыгнула со скалы, Танкред поднялся, чтобы подхватить ее. Они горячо обнялись.

С тех пор как Танкред порвал отношения с Альбериком, а главное, с того вечера, когда в садах Армиды он открылся Клоринде, к нему наконец-то вернулось душевное равновесие. Он заставлял себя не думать ни о чем, кроме воинского долга, стараясь позабыть все свои сомнения и те проблемы, которые заронил в его душу Альберик. Это оказалось проще, чем он предполагал. Никогда раньше ему не удавалось так действенно усмирять свои крамольные порывы.

А причина была проста: Клоринда.

Молодая женщина постоянно занимала все его мысли, не оставляя места ни для чего другого. Он понимал, что это единственное объяснение, одной его воли не хватило бы, но ему было все равно. Другими словами, впервые в жизни он влюбился.

— Давно меня ждешь? — спросила она, прижимаясь к нему.

Его спину, делясь накопленным за день теплом, приятно грела скала.

— Всего несколько минут. Хотел посмотреть на закат солнца. Кстати, ты пришла как раз вовремя.

Прямо перед ними проваливалось за горизонт огромное светило и, прежде чем исчезнуть окончательно, поджигало дальние горные цепи. Чуть выше в небе стала отчетлива видна одна из его звездных сестер. Теперь, когда главная звезда погасла, зрелище своего маленького красного диска, как и во

все ночи, когда ее можно было рассмотреть, явила Проксима Центавра, окрасив пейзаж в кирпичные тона. В системе трех звезд по-настоящему темные ночи были редкостью.

Двое влюбленных долго болтали в сгущающихся сумерках, делясь событиями последних дней или своими впечатлениями от Нового Мира; в минувшие недели им редко представлялась возможность увидеться. Танкред знал, что, согласно аристократическим обычаям, ему положено ухаживать за ней по всем правилам галантной любви, но его эти правила всегда раздражали, да и Клоринда, как ему казалось, придерживалась тех же взглядов.

Когда температура опустилась слишком низко даже для их теплой одежды, они покинули свой каменный приют и направились в сторону казарм. И тут Клоринда сообщила ему:

— Перед самым приходом сюда я слышала по Интра, что у северного подъемника произошла какая-то скверная заварушка. Если я правильно поняла, шайка бесшипников украла оружие, захватила пост охраны подъемника и дезертировала. Похоже, среди охранников полно раненых или даже убитых.

Танкред сразу представил, что среди бунтовщиков, возможно, был Альберик. И не смог сдержать дрожь.

— Я подумал, что в налете мог участвовать твой бывший друг, — бросив на него загадочный взгляд, продолжала Клоринда, — и тебе будет интересно узнать.

— Я... не знаю. Вообще-то, на него не похоже. Но допускаю, такое возможно... — согласился Танкред, которому было очень не по себе.

Новость подействовала на него сильнее, чем он мог предположить. При мысли, что Альберик только что загубил свою жизнь и в этом есть доля его вины, Танкред ощутил ком в желудке. Возможно, если бы он не оттолкнул его так резко, тот не совершил бы столь решительного поступка.

— В любом случае мы скоро все узнаем, — заключила молодая женщина. — Наверняка их быстро отыщут и будут судить.

Танкреду не хотелось ей возражать. Однако, насколько он знал Альберика, на его взгляд, бесшипник ничего не оставил бы на волю случая, и дезертиров будет не так легко поймать, как казалось Клоринде.

Оглавление

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	7
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	313
Эпилог	670
Примечание автора	700
Благодарности	701